

М.А. Маслин

Русская мысль в письмах В.В. Розанова и П.П. Перцова. Новые материалы (1896–1918)

Рецензия на: Переписка В.В. Розанова и П.П. Перцова (1896–1918): в 2 т. / Вступ. ст. Е.И. Гончаровой; сост., подгот. текстов и коммент. Е.И. Гончаровой и О.Л. Фетисенко. СПб.: Изд-во «Пушкинский Дом», 2023. Т. I: «На новые пути» (1896–1902). 784 с.; Т. II: «Под колесом истории» (1903–1918). 784 с.

Маслин Михаил Александрович – доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой истории русской философии философского факультета. Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова. Российская Федерация, 119991, ГСП-1, Ломоносовский пр., д. 27, к. 4; e-mail: mmaslin@yandex.ru

Рецензия представляет изданное известным издательством «Пушкинский Дом» (Санкт-Петербург) двухтомное собрание писем В.В. Розанова и П.П. Перцова (1896–1918). Это впервые изданное, с большим тщанием исполненное на высокопрофессиональном уровне полное собрание переписки известных мыслителей – Василия Розанова и Петра Перцова. Издание подготовлено архивистами, научными сотрудниками петербургского Пушкинского Дома – Института русской литературы. Автор вступительной статьи – директор и основатель Издательства «Пушкинский Дом» Е.И. Гончарова. О.А. Фетисенко совместно с Е.И. Гончаровой принадлежит составление, подготовка текстов и комментарии. Двухтомник отличается высоким уровнем полиграфии, содержит отличный библиографический аппарат. Он включает: список сокращений, перечень архивохранилищ, списки периодических изданий, книг и публикаций, собраний сочинений В.В. Розанова; архивные фотографии, фрагменты писем и др. Кроме того, двухтомник содержит указатели упоминаемых произведений В.В. Розанова и П.П. Перцова, а также аннотированный указатель имён. Комментарии расположены сразу же за публикуемыми письмами, а не в конце книги, как бывает обычно. К сказанному надо добавить также, что письма, расположенные в книге по хронологии, имеют сквозную нумерацию, что также облегчает работу с ними.

Ключевые слова: русская мысль в письмах, В.В. Розанов, П.П. Перцов, А.П. Суслова, Н.Н. Страхов, «Парабола», «Апокалипсис нашего времени»

Для цитирования: Маслин М.А. Русская мысль в письмах В.В. Розанова и П.П. Перцова. Новые материалы (1896–1918) // Отечественная философия. 2024. Т. 2. № 1. С. 116–129.

«Геометрическое» название вступительной статьи Е.И. Гончаровой «Парабола “великой и прекрасной” дружбы» (от греч. *παραβολή*, т.е. «приближение») подразумевает на самом деле и название незавершённого трактата Перцова – «Парабола», над которым он работал всю жизнь и проект которого неоднократно упоминался им в процессе эпистолярного общения. Этот трактат представлял по своему замыслу масштабную авторскую интерпретацию мировой философии истории. Розанов называл в письмах этот труд «исторической фугой» и рекомендовал автору найти определённое сходство между ним и своим ранним сочинением «О понимании», что так и не было сделано Перцовым. В качестве параболы, т.е. кривой линии, можно фигурально обозначить и общий характер переписки. Он был неровным, с перерывами и частыми выражениями разногласий и споров, особенно обострившихся с середины 10-х гг. прошлого века. Иными словами, это переписка интересных друг другу корреспондентов, которые взаимно нуждались в дружбе и дружеской помощи, но их нельзя было бы назвать друзьями-единомышленниками. Большая часть писем посвящена обсуждению различных литературных и публицистических проектов, сочинений как Розанова, так и Перцова.

Перцов, как свидетельствует переписка, не только продвигал в печать сочинения Розанова, но и вносил в них свою редакторскую правку. Однако Розанов, очень бережно относившийся к «рукописности» своих работ, в последующем их издании возвращал написанное к первоначальному, задуманному автором состоянию. Это не подразумевало какого-то несогласия с проделанной Перцовым редакторской работой как таковой. По-видимому, правку Розанов воспринимал как неприятное ему нарушение общего строя рукописности своих текстов. Его дочь – Т.В. Розанова – свидетельствует в своих воспоминаниях об отце, что он никогда не переписывал на бело свои рукописи, считая, что написанное является аутентичным выражением формы его мысли, поскольку «форма была ему присуща ранее того, чем он её выразил на бумаге»¹ и «в этом была его гениальность». Очевидно, розановское «почти на правах рукописи» (подзаголовок «Уединённого») означало, что изложенным на бумаге он как бы возвращал в написанный текст первоначальную форму своей мысли.

Можно сказать, что в письмах ещё ярче, чем в текстах, предназначенных для печати, проявился живой характер Розанова, который был «очень экспансивен, жив, несдержан, но очень откровенен»². В целом же можно сказать, что, несмотря на большее количество писем Перцова, он играл в переписке с Розановым роль ведомого. Ведущее место занял Розанов благодаря особой энергии своего слова, пусть зачастую и «непричёсанного», зато имеющего печать неподдельной искренности и убеждённости. Это чувствуется во всём пространстве переписки, а именно в её политических сюжетах, обсуждении впечатлений о зарубежных поездках, спорах по религиозно-философским вопросам и проблематике философии пола и семьи.

Комментарии Е.И. Гончаровой и О.Л. Фетисенко весьма информативны и совсем не напоминают худшие примеры, когда они сводятся просто к пересказу комментируемого сюжета иными словами. Комментарии также содержат указания на первое опубликование письма и на место его хранения (они расположены удобно – на полях, напротив публикуемого документа). Все это, конечно, максимально облегчает чтение писем. Нельзя не отметить такую колоритную и симпатичную для книжников деталь, как сохранение в публикуемых текстах, при общем соблюдении правил современной орфографии, некоторых сочных архаизмов: *троттуары*, *эпизоды*, *крылушки*, *извощик* и др. Словом, Е.И. Гончарова и О.Л. Фетисенко сделали и,

¹ Розанова Т.В. Воспоминания об отце – Василии Васильевиче Розанове и всей семье // В.В. Розанов: Pro et Contra. Антология. Кн. I. СПб., 1995. С. 83.

² Там же.

по-видимому, даже угадали всё необходимое и возможное для того, чтобы у читателя возникло ощущение подлинности прикосновения к письмам двух замечательных русских мыслителей конца позапрошлого и начала прошедшего века.

Отдельной оценки заслуживает высокое качество комментариев. Они вместе с опубликованными письмами составляют единое смысловое пространство, дополняя друг друга и давая разъяснение сложных вопросов. В качестве примера возьмём комментарии на письмо Перцова от 12.03.1901 и на ответное письмо Розанова от 13.03.1901 (Письма 218 и 219). Комментарии к этим письмам не ограничиваются лишь объяснениями истории первого брака Розанова с А.П. Сусловой. Они опираются на новейшую исследовательскую литературу и архивные разыскания³, которые служат иллюстрацией генезиса философии пола Розанова. Особенное значение в этом контексте имеет опубликованное Е.И. Гончаровой письмо Розанова, в котором он по просьбе А.С. Глинки-Волжского изложил историю своих отношений с А.П. Сусловой, назвав её «мистической трагедией»⁴. (Фрагмент письма воспроизводится на с. 402 2-го тома). Письма 218 и 219 посвящены драматической теме «незаконнорождённости» пятерых детей Розанова и связанной с ней истории тщетных попыток получить развод от его первой жены А.П. Сусловой. Перцов в своём письме предложил Розанову опереться на опыт бракоразводного процесса поэта К.Д. Бальмонта и его жены, актрисы А.М. Гарелиной в 1894–1896 гг. Бальмонт развёлся с женой, «взяв вину на себя», и подал на Высочайшее имя прошение о разрешении вновь вступить в брак. Брак был дозволен, и дети от него были признаны «вполне законными». По мысли Перцова, Розанов как «особа общеизвестная» имеет больше шансов получить такое же разрешение, чем «какой-нибудь Бальмонт», при том что можно было бы заручиться поддержкой «Константина Петровича» (Победоносцева) и подключить к ходатайству детей. Перцов полагал, что даже несмотря на то, что на Розанова «злы попы» после его выступлений на тему церковного брака, этот вариант имел бы шансы на успех. Однако успеха не было. Так, В.А. Тернавцев, по просьбе В.В. Розанова, ездил в Крым, где жила А.П. Суслова, с целью уговорить её дать согласие на развод. Результатом была телеграмма в Петербург следующего содержания: «Убеждал долго настойчиво решительно гневный отказ»⁵.

В ответ Перцову Розанов написал следующее: «Года 4 назад я с восторгом ухватился бы за “концепцию” развода и узаконения. Кое-что в этом роде и было: сознавая всю правоту, я написал через Рачинского Победоносцеву некое уныло-раздражённое письмо, что собственно до термина “незаконнорождённые” мне дела нет, но имею право требовать и требую, чтобы дети получили мою фамилию и были за мною записаны моими детьми, с какими угодно добавлениями, хоть “вверх ногами рождённые”. Рачинский – сушь, но Победоносцев – добрый человек и очень любит детей. Но через него ответили, что “даже государь этого сделать не может”»⁶. В следующем письме, датированном, как и письмо Розанова, 13 марта, Перцов, как представляется, обнаружил свою неспособность понять суть драмы Розанова с разводом и «незаконнорождёностью» детей, поскольку обвинил его в каком-то «аристократизме» и «геройстве» и посчитал, что он должен был решить вопрос о детях «поконкретнее», без того, чтобы «их под спуд ставить»⁷. Долгие мытарства закончились вместе со снятием печати «незаконнорождённости» с пятерых детей Розанова

³ См.: Гончарова Е.И. «Мистическая трагедия»: В.В. Розанов и А.П. Суслова (по материалам архивных разыскания) // Русская литература. 2022. № 3. С. 145–156.

⁴ Там же. С. 152–156.

⁵ Переписка В.В. Розанова и П.П. Перцова. Т. I. С. 666.

⁶ Там же. С. 662.

⁷ Там же. С. 667.

после его обращения на Высочайшее имя. Как пишет Т.В. Розанова: «Мы были узаконены и получили отчество и фамилию отца. Положение же матери оставалось неизменным, поэтому отец, когда писал “Уединённое” и “Опавшие листья”, называл мать “другом” – он не мог назвать её официальной женой»⁸. По-видимому, совет Перцова «решать вопрос о детях поконкретнее» свидетельствовал о недооценке им того значения, которое для Розанова имел вопрос о святости семьи и брака, о понимании «семьи как религии». Розановым этот вопрос ставился отнюдь не только и не столько как вопрос личный, но в значительно более широком общественном контексте. Ведь он вёл неустанную борьбу против церковного регулирования брака, имея в виду защиту ценностей любви и семьи, которые он считал важнейшими в жизни человека, бросая вызов устаревшему семейно-брачному законодательству.

Метафизику пола Розанова Перцов не понял и не принял, возможно, унаследовав неадекватное восприятие этой темы от времён сотрудничества с «Русским богатством» Н.К. Михайловского (последний оценил творчество Розанова в качестве «философической порнографии»). В отличие от критики Розанова «слева» народническим социалистом Михайловским, Перцов в своих письмах критикует своего корреспондента «справа» за его антихристианские выпады, даже называет его «одним из предшественников Антихриста»: «Да отрекитесь Вы, ради всего святого, от Христа, а то ведь без этого Вашей мысли всё время приходится змейкой виться... не всё чисто между Вами и Христом: Вы бы ему в глаза с этой проповедью не могли смотреть. А отрекитесь – и всё будет в порядке»⁹. Полемика Розанова и Перцова на тему метафизики пола и её отношения к христианству часто повторяется в переписке, причём тональность в этой дуэли различная: у Перцова – нападающая, а у Розанова – разъясняющая. Розанов даже находит «глубокомысленным и прекрасным по форме» всё, что Перцов пишет «о моём отношении к христианству». Тем не менее «ведь чувствую я – что прав; и что если когда-нибудь приведётся христианству в корне быть поколебленным – то именно в этом пункте, в его ужасной “бесплотности”, когда плоть-то (брак, семья, дети, родители) существенно *религиозны*... мой пункт – что христианство морально не право, что оно отрицает простейшее и смиреннейшее...»¹⁰. Сознание Розановым своей правоты покоилось на убеждении, что всё, связанное с полом, христианство задвинуло в область неприличного и стыдного, что привело к деформации брачно-семейных отношений. Кроме того, Розанов замечает, что в обсуждаемом между ними вопросе у него «есть своя и личная причина писать так и о том, как и о чём я пишу»¹¹ (он подразумевает вопрос о своём втором браке и детях от него). Отсюда следует его выпад в сторону церкви: «если пол отрицается в христианстве (а он, конечно, *отрицается* церковью), то, конечно, брака в нём и не содержится: т.е. церковь всё время фальшивила и притворялась в одном из своих таинств»¹². Вместе с тем Розанов разделяет свою веру в Христа и наличное состояние православной церкви, препятствующей признанию законности своего брака: «Я верю, что Господь есть, что Любящий меня и Заботящийся обо мне есть: довольно, и умру с этим»¹³.

Рецензируемый двухтомник подтверждает мысль о том, что письма являются ценными источниками особого рода – это образцы «живой философской мысли», с множеством имён, событий и конкретных биографических свидетельств об эпохе,

⁸ Розанова Т.В. Воспоминания об отце – Василии Васильевиче Розанове и всей семье // В.В. Розанов: Pro et Contra. Антология. Кн. I. СПб., 1995. С. 85.

⁹ Переписка В.В. Розанова и П.П. Перцова. Т. I. С. 333.

¹⁰ Там же. С. 235.

¹¹ Там же. С. 456.

¹² Там же. С. 458.

¹³ Там же. С. 459.

поэтому упомянутые в них подробности, относящиеся к жизненному миру и миру идей, очень важны и ничем не заменимы. Так, из последнего письма Розанова, написанного перед отъездом из Петрограда, мы узнаём, что своё предсмертное произведение «Апокалипсис нашего времени» он начал писать не после переезда семьи в Сергиев Посад (как полагала утвердившаяся в историографии версия), а ещё находясь в Петрограде, сразу после Февральской революции и отречения Николая II, т.е. после 2 марта 1917 г. В том же письме он сообщает о работе над своим последним произведением, называя его «Апокалипсисом Ненавидения». В письме Розанов сообщает: «Я написал, 2 – 3 – 5 марта: “Истаяние Царства. (В утешение русским)”»¹⁴.

Переписка началась письмом Перцова Розанову от 7 ноября 1896 г. и завершилась его же письмом от 7 (20) сентября 1918 г. (фрагмент первого письма Перцова воспроизводится на с. 401 т. II). По данным Розановской энциклопедии, всего сохранилось 231 письмо Розанова к Перцову и 267 писем Перцова к Розанову (место хранения – РГАЛИ. Ф. 796. Оп. 1. Ед. хр. 77–78, 176–186)¹⁵. В двухтомнике, подготовленном Е.И. Гончаровой и О.Л. Фетисенко, опубликовано 499 писем, т.е. на одно больше, чем указано в Розановской энциклопедии. Если сравнить общее количество писем двух корреспондентов, то очевидно, что «перевес» в этом эпистолярном общении принадлежал Перцову, литератору с широким кругозором, писателю, журналисту, критику и литературоведу, не чуждому новых «декадентских веяний». Перцов познакомил Розанова с Д.С. Мережковским и З.Н. Гиппиус, организовывал его контакты с питерскими интеллектуалами. Например, в письме от 27.02.1899 г. он сообщает: «В воскресенье к Вам собирается целое сонмище гостей. А именно: 1. З.Н. Мережковская (может быть) 2. Д.С. Мережковский 3. Дмитрий Владимирович Философов 4. Сергей Павлович Дягилев 5. Соллогуб 6. Я. Итак, ждите. Ваш П. Перцов»¹⁶. До встречи с Розановым Перцов имел уже достаточную известность как автор, составитель и издатель ряда литературных сборников, среди которых можно выделить «Философские течения в русской поэзии» (1896), посланный Перцовым своему будущему корреспонденту. Конечно, литературный и общественный резонанс сочинений Розанова был неизмеримо выше. Разница в отношениях двух корреспондентов к собственной литературной репутации была существенной. Если Перцов предпочитал «оставлять в тени» все обстоятельства личной жизни, то Розанов буквально «выворачивал себя наизнанку», сделав многие приватные сюжеты, в том числе эпистолярные, предметом общественного достояния. Нельзя не согласиться с мнением Е.И. Гончаровой относительно того, что именно Перцов, а не Розанов первым искал контактов и встреч, поэтому его письмо от 7 ноября 1896 г. открывает настоящее издание (фрагмент первого письма Розанова Перцову от 9 ноября 1896 г. воспроизводится на с. 400 первого тома). Хотя по большей части своих корреспондентов Розанов находил сам, в том числе Н.Н. Страхова, К.Н. Леонтьева, С.А. Рачинского, П.А. Флоренского и др. Он хотел бы иметь в качестве постоянного корреспондента и Владимира Сергеевича Соловьёва, но в этом случае одного его желания оказалось недостаточно.

В результате интерактивного общения со своими корреспондентами Розанов создал знаменитый жанр «Литературных изгнанников», выступая в качестве своеобразного блогера задолго до появления эпохи интернета и проявляя недюжинные способности интеллектуального предсказателя, который безошибочно распознал

¹⁴ Переписка В.В. Розанова и П.П. Перцова. Т. II. С. 605.

¹⁵ *Эдельштейн М.Ю.* Перцов П.П. // Розановская энциклопедия / Сост. и гл. ред. А.Н. Николюкин. М., 2008. С. 688. Вполне справедливо мнение о том, что такое счастливо сохранившееся обилие писем объясняется физиологической особенностью Перцова, а именно глухотой, затруднявшей его очное разговорное общение со всяким собеседником.

¹⁶ Переписка В.В. Розанова и П.П. Перцова. Т. I. С. 342.

тогда ещё малоизвестные философские таланты и предугадал в своём «блоге» их будущее значение для русской философии. Эпистолярный способ общения как таковой Розанов мастерски использовал для созданной им самим своего рода технологии public relations, включая письма своих корреспондентов в свои сочинения, вступая с ними в очную и заочную полемику – что, несомненно, способствовало популяризации его сочинений среди разных категорий читателей. Переписка с Перцовым не была доведена до отдельного выпуска «Литературных изгнанников», хотя она представляла для этого большие возможности, но времени и внешних условий для её сборки в этом жанре угасавшему в Сергиевом Посаде Розанову не было отпущено. Переписка с Перцовым длилась почти до самой его кончины.

С таким корреспондентом, как Перцов, Розанову, несомненно, повезло. Признания благодарности в адрес своего корреспондента Розанов высказывает многократно и даже вставляет их в примечания к последующим изданиям своих произведений: «Приход Перцова (П.П.) и вскоре предложение им издать сборники моих статей – было собственно началом “выхода к свету”. У меня не было до этого самых знакомств, самого видения лица человека, который бы мне помог куда-нибудь выбраться»¹⁷. Благодарить Перцова было за что. За 1899–1900 гг. Перцов издал четыре сборника статей Розанова, причём взял на себя составление, подбор статей и редактирование: «Сумерки просвещения», «Религия и культура», «Литературные очерки» и «Природа и история». Тронутый такой заботой, Розанов предложил Перцову поселиться вместе на одной съёмной квартире, на что Перцов ответил решительным отказом, сославшись на потребность «в абсолютной свободе окрест меня». Розанов настолько проникся благодарностью к своему корреспонденту, что в качестве приложения к письму от 19 мая 1898 г., ссылаясь на то, что адресат его является дипломированным юристом, направляет Перцову подписанное собственноручно «духовное завещание»(!), содержащее подробные распоряжения относительно имущества между наследниками – женой и детьми. Розанов, боровшийся с «незаконнорождённостью» своих детей, в конце завещания обращается в Литературный фонд с просьбой вмешаться и «охранить права моих жестоко именуемых “незаконными”, но в точности законных и любимых мною детей и жены, тайно обвенчанной же со мною, от посягательств фиктивно-законной жены»¹⁸.

Сравнивая общую тональность писем Перцова и Розанова, нельзя не прийти к выводу, что мировоззренческие итоги интенсивного эпистолярного общения двух мыслителей, отражавшие растущую поляризацию русского общества в промежутке от 90-х гг. XIX в. до 10-х гг. XX в., можно оценить как шедшие в разных направлениях. Литературный профессионализм и эпистолярное мастерство обоих корреспондентов имели разные основания. Инициатор переписки – дворянин, собственник костромского имения, состоятельный человек, использовавший свободные средства на литературные занятия, которые имели чисто «умственное» происхождение и были своего рода интеллектуальным «хобби». С другой стороны – мещанин из многодетной семьи, рано потерявший отца и выбившийся в люди благодаря поддержке старшего брата, «литературный подёнщик», нередко отмечавший в своих эпистолярно-литературных признаниях, сколько денег он заработал за день литературного труда, и с гордостью сообщавший, что около него кормится 11 человек, из них 5 детей и хронически больная жена. Розанов, по-видимому, завидовал своему не скованному материальными заботами и журнально-газетными обязательствами корреспонденту, жившему подолгу за границей, и, занятый вечно работой, просил «открыть ему кредит» с последующей отдачей в рассрочку, на покупку старинных

¹⁷ Розанов В.В. Литературные изгнанники. Н.Н. Страхов. К.Н. Леонтьев // Собрание сочинений под общ. ред. А.Н. Николюкина. М., 2001. С. 133.

¹⁸ Переписка В.В. Розанова и П.П. Перцова. Т. I. С. 203.

монет и различных «египетских артефактов», которыми он страстно интересовался. В начале длинного письма от начала декабря 1897 г., направленного Перцову в Рим, он пишет: «Счастливым Вы человек, что можете ещё жить как Гёте, и Бог дал Вам к средствам и вкус, и умственный интерес. Не растеряйте же этих даров Божиих, будьте целомудренны в работе, в препровождении времени»¹⁹.

По окончании нелюбимой работы в провинциальных гимназиях и после переезда в Петербург, осуществлённого благодаря содействию Н.Н. Страхова, Розанов начинает новый период в жизни, публикуется в газетах и журналах, начинает приобретать литературную известность. Бескорыстную поддержку ему на этом поприще стал оказывать Перцов (также недавно ставший петербуржцем), заменивший отчасти прежнего розановского покровителя – Н.Н. Страхова. При всём уважении Розанова к учёной философской личности Страхова, сохранённом на всю жизнь (его дочь – Т.В. Розанова была крёстной дочерью Страхова), богоискательство Розанова и кружка «молодых славянофилов на Петербургской стороне», куда входили кроме Розанова также Н.П. Аксаков, И.Ф. Романов («Рцы») и С.Ф. Шарапов, явно противоречило мировоззрению «старого славянофила» Страхова. Познакомившись с этим кружком, «Страхов, изголодавшийся по личному славянофильству, по отсутствию живых славянофилов «которых можно пощупать руками – и они шевелятся» (ибо другие – покойники)»²⁰, был в итоге разочарован, встретив вместо «славянофилов» «наших декадентов».

После Страхова важнейшие услуги по части опубликования произведений Розанову оказал Перцов. Первое письмо Перцова, положившее начало переписки, представляет собой в основном положительный отклик на розановскую статью-некролог, посвящённую памяти недавно скончавшегося Страхова. Характерно, что в письме сделан акцент на «глубокой религиозности» Страхова, на его консерватизме и приверженности к «служению». Славянофильские симпатии Перцова, проявившиеся в начале переписки с Розановым, могли бы выглядеть в глазах последнего неубедительно, если принять во внимание его контакты с «декадентами» и тем более прошлое его сотрудничество с Н.К. Михайловским и публицистами круга «Русского богатства». Но никаких замечаний по части выбора той или иной газетной или журнальной площадки для любых контактов своего корреспондента и их тональности Розанов никогда не высказывал, демонстрируя ту особенную гибкость, о которой сам он писал следующее: «– Сколько можно иметь мнений, суждений о предмете? / – Сколько угодно... Сколько есть “мыслей” в самом предмете: ибо нет предмета без мысли, и иногда – без множества мыслей. / – Итак, по-вашему, можно иметь сколько угодно нравственных “взглядов на предмет”, “убеждений” о нём? / – По-моему и вообще по-умному – сколько угодно»²¹. При этом же Розанов всегда оставался «себе на уме» и недоволен бывал только тем, что «мало обо мне пишут», а что пишут, не так и важно. Он охотно шёл на контакты с Д.С. Мережковским и З.Н. Гиппиус, не разделяя, однако, их идеи относительно «Новой церкви», придерживаясь собственной версии того, что Мережковский, а вслед за ним и Бердяев называли «новым религиозным сознанием».

Иное дело – Перцов, текстам которого при всей их талантливости, неоднократно отмеченной в письмах его корреспондента, всё же не хватало индивидуального своеобразия. О недостаточной авторской самостоятельности Перцова Розанов писал следующее: «Недостаток Перцова заключается в недостаточно яркой и даже

¹⁹ Переписка В.В. Розанова и П.П. Перцова. Т. I. С. 148.

²⁰ Розанов В.В. Литературные изгнанники. Н.Н. Страхов. К.Н. Леонтьев // Собрание сочинений под общ. ред. А.Н. Николюкина. М., 2001. С. 125.

²¹ Розанов В.В. Загадки русской провокации. Статьи и очерки 1910 г. // Собрание сочинений под общ. ред. А.Н. Николюкина. М., 2005. С. 412–413.

недостаточно определённой индивидуальности»²². Влияние Мережковского на Перцова было значительным, оно приближалось к учительству. Это подтверждается и контент-анализом именного указателя к двухтомнику, где имя Мережковского является самым часто упоминаемым в письмах Перцова²³. От Мережковского он унаследовал не только эстетическую привязанность к художественной литературе, но и неохристианскую концепцию «Третьего Завета», чего нельзя было сказать о Розанове. Правда, согласие с «новым религиозным сознанием» Мережковского, как, впрочем, и влияние на Перцова розановской критики наличного состояния православной церкви, оказалось преходящим и подверженным изменениям. Это подтверждается собственным признанием Перцова, сделанным в письме от 15.07.1901 г.:

Я чем далее, тем более помимо всякой воли становлюсь «правоверным». Я начал с самого легкомысленного отношения к христианству (не говоря уже о либеральном «отрицании» – ну, это уж очень давно), всё мне казалось, и долго и в разных видах, что христианство можно принимать только условно или частично, что его нужно реформировать, реставрировать, комбинировать с другими всемирными религиями и т.д. и т.п. Тут подоспели Вы с Вашей новой религией, после Мережковский с его новой церковью. И долго я был убеждён, что будет новая религия или новая церковь. И теперь я вижу, что всё это вздор. Не будет ничего «нового», кроме новой земли и новых небес, но это уже – по ту сторону²⁴.

Розанов, «беззаветно любящий», по его словам, семейную жизнь (как известно, один из его псевдонимов – В. Варварин – образован от имени любимой жены – Варвары Дмитриевны Бутягиной), использовал Петербургские Религиозно-философские собрания 1902–1903 гг., инициированные Мережковским и Гиппиус, прежде всего для привлечения внимания к теме семьи, для борьбы с церковным законодательством, ущемлявшим права незаконнорождённых, в том числе его собственных детей. Все попытки Мережковских втянуть Розанова в свою «новую церковь» оказались безуспешными по главной причине, объяснённой самим Розановым: «Нельзя не обратить внимания, что все связанные “кольцом Мережковского” суть люди бездетные и, кажется, в сущности безжённые. “И нашему брату там невозможно”»²⁵.

Переписка показывает, что сблизившие обоих корреспондентов начальные консервативные и «славянофильские» позиции, осложнённые «декадентскими» включениями, постепенно размывались, а начиная с 1910-х гг. их интеллектуальные контакты всё чаще стали принимать противоречивый характер. Характер дружеской переписки менялся, главным образом по причине эволюции политических воззрений Перцова в либеральном направлении. Что же касается Розанова, то после смерти Страхова, память о котором оказалась стимулом к первоначальному сближению обоих корреспондентов, он отходит от страховского «почвеннического» традиционализма и погружается в исследование философии пола в его связи с религией²⁶. Эта тема, как известно, была в значительной степени определена «незаконнорождённостью» его детей от счастливого брака с В.Д. Рудневой (Бутягиной).

После Февральской революции Перцов становится убеждённым республиканцем и «февралистом», о чём свидетельствуют следующие его строки из письма от 20 марта 1917 г.: «Вы мои взгляды знаете – я, конечно, рад перевороту (даже из самолюбия рад), всецело за республику. Вижу великие горизонты, вдруг распахнувшиеся

²² Розанов В.В. Листва // Собрание сочинений под общ. ред. А.Н. Николюкина. М., 2010. С. 311.

²³ Переписка В.В. Розанова и П.П. Перцова. Т. II. С. 731–732.

²⁴ Там же. Т. I. С. 693–694.

²⁵ Цит. по: Фатеев В.А. Жизнеописание Василия Розанова. Кострома, 2002. С. 354.

²⁶ Подробнее о сближении и последующем расхождении Розанова и Перцова вокруг памяти о Н.Н. Страхове см.: Фатеев В.А. Н.Н. Страхов: Личность. Творчество. Эпоха. СПб., 2021. С. 556–559.

впереди, хотя и ранее уже мерещившиеся»²⁷. Будущее России, полагал Перцов, может быть связано с Америкой, причём «такая минутка в её истории» может даже растянуться «на столетие-два». Перцов задаётся вопросом: «...почему не качнуться “маленько” и в сторону Америки, с которой много общего (“демократизм”, “естественные богатства”, континентальность, даже в климате много общего)?»²⁸. В ответном письме на вопрос Перцова о возможности для России «американского пути» Розанов отвечает отрицательно, подразумевая под невозможностью брать в качестве образца для подражания американское торгашество: «Базар (= Америка) был, батюшка, и в Вавилоне, и в Риме, и в Афинах; но “базарное” прошло, а остались Талмуд, т.е. жидовский храм, Святая София, Церковь Святого Марка»²⁹. Критические оценки американизма Розанов высказывал и ранее, в «Мимолётном» и в ряде статей. Так, в «Итальянских впечатлениях», после посещения Салерно и Флоренции, где всё дышит духом истории и культуры, он по контрасту даёт следующую оценку американизму: «Америка есть первая страна, даже часть света, которая, будучи просвещённой, живёт без идей. Она не имеет религии иначе как в виде религиозности частных людей и частных обществ, не имеет в нашем смысле государства и правительства»³⁰.

В отличие от Перцова, допускавшего грубые ругательства в адрес личности цarina – «Николая Гнилого», «супруга m-m Распутиной», Розанов берёт под защиту монархию как исторический национальный институт, формировавший лицо России в течение столетий: «Моя идея: Что ПРАХ И ТО “СТРЯСАЙ С НОГ”; что ВЕЧНО – того держись»³¹. Отсюда понятно, что американизм как чуждый для России образец для подражания Розанов никак не мог принять, и в ответ Перцову он пишет следующее: «А Николая “Гнилого” (кличка Перцова. – М.М.), хотя бы всё в нём понимал, но ИСТОРИЧЕСКИ смежу глаза и всё же ЗА НЕГО УМРУ. И не хочу критиковать, порицать. НЕ СМЕЮ. А революции, даже торжествующей, плюну в глаза. “В её бесстыжие глаза”»³². Давая свою оценку отречению Николая II от престола, Розанов написал, в противоположность Перцову: «Моё слово о прекрасном Романове: что он тихо сошёл с престола, без ломки, почти без огорчения, как Михаил (Романов. – М.М.) вошёл на престол, вошёл из монастыря»³³.

Антиреволюционный пафос послефевральских высказываний Розанова вызвал у Перцова обвинения в беспринципности в его адрес, которые были совсем не новы, если учесть, что Перцов хорошо знал тексты Розанова и его критиков периода Первой русской революции, которые также многократно обвиняли его в политическом аморализме. Перцов советует Розанову «не трогать темы монархия-республика» ввиду неприятного ему «дореволюционного» настроения своего корреспондента и задаёт ему «ехидный» вопрос с намёком на прошлую будто бы прореволюционную работу «Когда начальство ушло»: «...что, если начальство опять “уйдёт” – Вы его и не вспомните?»³⁴. Однако переломить веру Перцова в идеальную республику Розанов был не в состоянии, единственное, в чём он хотел убедить своего оппонента, так это то, что он не является «непоколебимым» монархистом, вроде М.О. Меньшикова. В обширном письме в апреле 1917 г. он пишет, что в принципе не возражает против республики, «если она пойдёт по-русски», а не как «сытая и довольная собою скука» наподобие Соединённых Штатов, и если не вернуться времена, как

²⁷ Переписка В.В. Розанова и П.П. Перцова. Т. II. С. 565.

²⁸ Там же. С. 450.

²⁹ Там же. С. 454.

³⁰ *Розанов В.В. Среди художников // Собрание сочинений под общ. ред. А.Н. Николюкина. М., 1994. С. 112.*

³¹ Переписка В.В. Розанова и П.П. Перцова. Т. II. С. 455.

³² Там же.

³³ Там же. С. 573.

³⁴ Там же. С. 565.

в 70-х гг. XIX в., к «Царю Некрасову и гонимому нищему Александру II»³⁵. Далее следует пояснение того, что значит «республика по-русски»: «“Что нам царство”: подавай – Берендея, сказку, песню, Пушкина, Лермонтова, Тютчева». Вот почему «в идеях я за *долгое* существование республики, и “царства”, пожалуй, – совсем, действительно, не надо: опять начнутся “интриги при дворе”, лъстящие министры, пройдохи, “III отделение”...»³⁶.

Как представляется, суть увеличивающегося отчуждения в отношениях двух корреспондентов состояла вовсе не в доктринальной приверженности к политическому республиканизму у Перцова и в каком-то его опровержении Розановым (такового и не было). Розанов вовсе не прибегал к какой-либо рациональной политической аргументации против республики. Очевидно, однако, что достаточно смутное и расплывчатое либеральное понимание будущего России по образцу Америки Перцовым шло вразрез с глубинным метафизическим ощущением своей родины Розановым, против которого Перцову было, в сущности, нечего возразить. В «Уединённом» читаем: «*Голод. Холод. Стужа*. Куда же тут республики устраивать? Родится картофель да морковка. Нет, я за самодержавие. Из тёплого дворца управлять “окраинами” можно. А на морозе и со своей избой не управисься. И республики затевают только люди “в своём тепле” (*декабристы, Герцен, Огарёв*)»³⁷.

Былой снисходительности к разным мнениям о России, которую он «только и делал, что ругал», по его собственному признанию, положила предел Февральская революция. В действительности падение монархии в России не внесло никаких принципиальных перемен во взглядах Розанова на революционный радикализм. Оскорбительная ирония Перцова в адрес Розанова относительно того, что взгляды его изменились, когда «начальство ушло», была воспринята им «невыразимо больно»: «Я ничуть не меняюсь, хоть Вам и кажется»³⁸. Он отвечает Перцову вполне порозановски: «Я радуюсь, что Царь отрёкся от *такой* России: где нет подданных, какой же Царь», если его подданные ничего не сделали для сохранения царства в отличие от деловитых радикалов с их «прямотой, ясностью и грубоватостью»³⁹. Тогда как наши «мудрецы а la Н.Н. Страхов, Н.Я. Данилевский, Кон. Леонтьев и даже “великие Катков и Леонтьев” (и я) буквально онанисты под одеялом, потели, пердели и ничего не сделали, ни для себя, ни для России»⁴⁰. И далее заключает: «В *делах* славянофильство – это такая сволочь, что и разговаривать нечего. Это решительно *всегдашнее моё мнение*»⁴¹.

В одном из своих «послефевральских» писем, написанных ещё из Петрограда, до переезда в Сергиев Посад, Розанов проводит сравнение между двумя русскими революциями – 1905–1907 гг. и революцией Февральской 1917 г. Он пишет о том, что разница между ними налицо: во время Первой революции «вся Россия разволновалась... но ничего ровно не вышло»⁴². А в феврале-марте 1917-го, хотя «решительно ничего не произошло», кроме того, что «образовались за чёрным хлебом хвосты», «всё свершилось» и «Дома Романовых больше не бысть»⁴³. Далее он задаёт вопрос непосредственно своему корреспонденту – стороннику республики: «Вы думаете, очевидно, всё это для *beaux yeux* (красивых глаз. – М.М.) Плеханова, Верочки Фигнер и князя П. Кропоткина. Удивительно. Я Вам скажу – наоборот: всё

³⁵ Переписка В.В. Розанова и П.П. Перцова. Т. II. С. 598.

³⁶ Там же.

³⁷ Розанов В.В. Уединённое. М., 1990. С. 182.

³⁸ Там же. С. 596.

³⁹ Переписка В.В. Розанова и П.П. Перцова. Т. II. С. 596.

⁴⁰ Там же. С. 597.

⁴¹ Там же.

⁴² Там же. С. 571.

⁴³ Там же.

для beaux yeux Розанова и Флоренского, который ровно так умён, как умён... потому что они-то уж “в Бога верят. И чтут Его»⁴⁴. Далее Розанов пишет о том, что «Русь есть Русь» и «без царя, Патриарха и толстого купца», и предсказывает, что революция есть «начало победы Розанова и Флоренского. С сего часа Плехановы и Веры Фигнер начнут таять, яко снег в марте и истают... И к 1980 году “о Плехановых никто не будет упоминать”, ибо все уже будут засматриваться на “Святой ход” Нестерова и зачитываться “Уединённым” и “Опавшими листьями” В. Розанова»⁴⁵.

Удивительным образом предсказания Розанова сбылись. Хотя последние письма Перцову, написанные после переезда в Сергиев Посад, наполнены глубоким пессимизмом и унынием и одновременно злой иронией по поводу розовых «республиканских» ожиданий Перцова. В письме от 3 (16) сентября 1918 г. он пишет: «Зябну. Голодно. Дров чуть-чуть. Таня готовит обед. В доме *только несколько копеек*. Ужас... А помните Ваше в Санкт-Петербург письмо “3-й день русской республики”. Нагулялись с республикой. Экая гоголевщина. Вонючая, проклятая»⁴⁶. Розанов припомнил Перцову его письмо от 1 марта 1917 г., датированное «3-им днём русской республики», наполненное энтузиазмом «февралиста» и ненавистью к «Николаю Гнилому». Переписке осталось продолжаться недолго. Тем не менее хотя Розанов заявил: «...решил больше Вам не писать и не высылать “Апокалипсис”. Вообще – порвать»⁴⁷, – однако в том же письме не отменяет своего приглашения Перцову приехать в Сергиев Посад: «Комната есть свободная. Жрать нечего. “Нищи и убоги”. Приезжайте всё-таки»⁴⁸. Перцов не приехал, сославшись на трудности пореволюционного времени...

В другом письме, будучи нацелен на решительное объяснение и на разрыв отношений (не доведённый до логического конца в самом письме), Розанов пишет: «...так как вижу, что настал “кризис” нашей дружбы, то хочу Вам сказать “на прощанье” или (лучше бы) *не* на прощанье, что вся та великая и прекрасная дружба, какая нас связывала без малого 20 лет, остаётся во мне, что я никогда не забуду “того Петю Перцова”, который приехал ко мне на Павловскую знакомиться, и всю ту бесчисленную помощь “делом, словом и помышлением” (а ведь “дела”-то всегда вытекают, конечно, из **помышления**)»⁴⁹. Заканчивается письмо, вопреки заявленному в начале намерению о разрыве, признанием, вполне в розановском самопротиворечивом духе: «Прощайте, целую, люблю. *Все мы очень несчастны*, и Розановы, и Перцовы, счастлива только Верочка в монастыре, шлющая нам чудные письма, и нас утешающая ими и подкармливающая»⁵⁰. Веру, дочь Розанова, жившую послушницей в Воскресенско-Покровском монастыре около Луги, также ждала несчастная судьба – она покончила жизнь самоубийством летом 1919 г.

Это длинное и очень грустное письмо, написанное в июне-июле 1918 г. может рассматриваться в качестве своего рода эпилога не только ко всей переписке с Перцовым (Розанову оставалось жить немногим более года). Розанов «подводит итоги», вспоминает петербургскую интеллектуальную «тусовку» конца прошлого века, декадентские литературные круги, где они повстречались с Перцовым. Письмо насыщено меткими дружескими характеристиками: «гениальный туняец Рцы», «озорник Шарাপка (С.Ф. Шарапov), «милый Саввушка» (С.К. Эфрон), «декадент под Мережковским» (Перцов) вперемешку с язвительно-насмешливыми оценками «славянофильского гнезда» в Государственном контроле, куда он попал на службу

⁴⁴ Переписка В.В. Розанова и П.П. Перцова. Т. II. С. 571.

⁴⁵ Там же. С. 571–572.

⁴⁶ Там же. С. 636.

⁴⁷ Там же. С. 631.

⁴⁸ Там же.

⁴⁹ Там же. С. 619.

⁵⁰ Там же. С. 628.

по протекции Н.Н. Страхова. Все эти «славянофилы», а именно Т.И. Филиппов, Н.П. Аксаков, А.В. Васильев, «были тусклы, скучны, невыносимы и неудачны в литературе»⁵¹. Розанов благодарит Перцова за то, что он вытащил его в своё время из этой компании, и просит высказаться о посланном ему очередном выпуске «Апокалипсиса нашего времени», выражая надежду на то, что если он дочитает все выпуски, то должен убедиться, что «мой “Апокалипсис” не имеет такого дурного характера, как о нём думают. Я несколько не против Христа...»⁵². Розанов ссылается также на П.А. Флоренского, с которым очень сблизился, живя в Сергиевом Посаде. Сравнивая его с Паскалем, он пишет:

Сперва он очень противился изданию моего «Апокалипсиса», но хотя я и не говорю с ним ничего о моей книжонке, он – по общему тону его отношения ко мне [это всегда чувствуется] не враждебен этому изданию, по страстному ненавидению им всей нашей культуры, т.е. европейской культуры, западной, с атеизмом, с демонизмом, с пакостничеством и с пакостью, вроде революции, вроде и в духе парламентов etc.⁵³

Полученное Розанова приглашение высказаться об «Апокалипсисе нашего времени» и вспомнить былое Перцов не поддержал, ограничившись информацией о своих литературных успехах и повторными обещаниями приехать в Сергиев Посад. Неуместными и заведомо невыполнимыми выглядели и его советы Розанову по переизданию его книг. Не отозвался Перцов и на призыв «поплакать на плече» и посочувствовать плохому состоянию здоровья Розанова, о чём он написал следующее: «И в довершение убийства душевного сделалось “недержание мочи и кала”. Ужас, ужас»⁵⁴. Это последние слова в его переписке с Перцовым.

Список литературы

- Гончарова Е.И. «Мистическая трагедия»: В.В. Розанов и А.П. Сулова (по материалам архивных разысканий) // Русская литература. 2022. № 3. С. 145–156.
- Переписка В.В. Розанова и П.П. Перцова (1896–1918): в 2 т. / Вступ. ст. Е.И. Гончаровой; сост., подгот. текстов и коммент. Е.И. Гончаровой и О.Л. Фетисенко. СПб.: Изд-во «Пушкинский Дом», 2023. Т. I: «На новые пути» (1896–1902). 783 с.; Т. II: «Под колесом истории» (1903–1918). 783 с.
- Розанова Т.В. Воспоминания об отце – Василии Васильевиче Розанове и всей семье // В.В. Розанов: Pro et Contra. Антология. Кн. I. СПб.: РХГА, 1995. С. 45–87.
- Розанов В.В. Загадки русской провокации. Статьи и очерки 1910 г. // Собрание сочинений под общ. ред. А.Н. Николюкина. М.: Республика, 2005. 494 с.
- Розанов В.В. Листва // Собрание сочинений под общ. ред. А.Н. Николюкина. М.: Республика; СПб.: Росток, 2010. 591 с.
- Розанов В.В. Литературные изгнанники. Н.Н. Страхов. К.Н. Леонтьев // Собрание сочинений под общ. ред. А.Н. Николюкина. М.: Республика, 2001. 477 с.
- Розанов В.В. Среди художников // Собрание сочинений под общ. ред. А.Н. Николюкина. М.: Республика, 1994. 494 с.
- Розанов В.В. Уединённое. М.: Политиздат, 1990. 712 с.
- Фатеев В.А. Н.Н. Страхов: Личность. Творчество. Эпоха. СПб.: Изд-во «Пушкинский Дом», 2021. 651 с.
- Фатеев В.А. С русской бездной в душе. Жизнеописание Василия Розанова. Кострома: ГУИПП «Кострома», 2002. 636 с.
- Эдельштейн М.Ю. Перцов П.П. // Розановская энциклопедия / Сост. и гл. ред. А.Н. Николюкин. М.: РОССПЭН, 2008. С. 686–689.

⁵¹ Переписка В.В. Розанова и П.П. Перцова. Т. II. С. 620.

⁵² Там же. С. 624.

⁵³ Там же.

⁵⁴ Там же. С. 636.

Russian Thought in Epistles of V.V. Rozanov and P.P. Pertsov. New Materials (1896–1918)

A Review on: A Correspondence of V.V. Rozanov and P.P. Pertsov (1896–1918):
in two volumes / Introduction by E.I. Goncharova; ed., prep. of Texts
and Commentaries by E.I. Goncharova and O.L. Fetisenko. SPb.: Pushkinsky
Dom Publishing House, 2023. Vol. 1: “On New Tracks” (1896–1902). 784 p.;
Vol. II: “Under the Wheel of History” (1903–1918). 784 p.

Mikhail A. Maslin – Doctor of Sciences in Philosophy, Professor, Head of the chair of the History of Russian philosophy. Lomonosov Moscow State University. 27, bldg. 4, Lomonosovsky Av., GSP-1, Moscow, 119991, Russian Federation; e-mail: mmaslin@yandex.ru

Review article presents two-volumes collection of epistles by V.V. Rozanov and P.P. Pertsov (1896–1918) published by the famous Publishing House Pushkinsky Dom (Saint Petersburg). It is the first ever published full edition of correspondence between two famous Russian thinkers – Petr Pertsov and Vasily Rozanov which has been done with great accuracy and on highly professional level. Two-volumes edition was made by the archival scholars from the Institute of Russian Literature (Pushkinsky Dom) from Saint Petersburg. The author of Introduction is E.I. Goncharova – director and the founder of Pushkinsky Dom Publishing House. O.L. Fetisenko together with the E.I. Goncharova are the editors, authors of commentaries and researchers of archival sources. The edition is characterizes by high level of polygraphy and excellent bibliographical apparatus. It includes: list of abbreviations, catalog of archives, periodicals, books and articles, collected works by Rozanov, archival photos, fragments of letters etc. This two-volumes edition contains also catalog of works by V.V. Rozanov and P.P. Pertsov plus annotated index of mentioned names. Commentaries is placed just after the published letters and not at the end of the whole edition as one can find in printing practice sometimes.

Keywords: Russian Thought in Epistles, V.V. Rozanov, P.P. Pertsov, A.P. Suslova, N.N. Strakhov, “Parabola”, “Apocalypse of Our Times”

For citation: Maslin, M.A. Russkaya mysl' v pis'makh V.V. Rozanova i P.P. Pertsova. Novye materialy (1906–1918) [Russian Thought in Epistles of V.V. Rozanov and P.P. Pertsov. New Materials (1896–1918)], *Otechestvennaya filosofiya [National Philosophy]*, 2024, Vol. 2, No. 1, pp. 116–129. (In Russian)

References

Edelshtein, M.Yu. Pertsov P.P. [Pertsov P.P.], in: *Rozanovskaya Encyclopediya*. Sost. i gl. red. A.N. Nikoljukin. Moscow: Rosspen, 2008, pp. 686–689. (In Russian)

Fateev, V.A. *N.N. Strakhov: Lichnost. Tvorchestvo. Epokha*. [N.N. Strakhov: Personality. Creation. Epoch.]. Saint Petersburg: Pushkinskij Dom, 2021. 651 p. (In Russian)

Fateev, V.A. *Zhizneopisaniye Vasiliya Rozanova* [Biography of Vasily Rozanov]. Kostroma, 2002. 636 p. (In Russian)

Goncharova, E.I. “Misticheskaya Tragediya”: V.V. Rozanov i A.P. Suslova (po materialam arkhivnykh raziskanii) [“Mystical tragedy”: V.V. Rozanov and A.P. Suslova (Based on Archival Research Materials)], *Russkaya Literatura*, 2022, No. 3, pp. 145–156. (In Russian)

Perepiska V.V. Rozanova i P.P. Pertsova (1896–1918): V dvukh tomakh [Correspondence of V.V. Rozanov and P.P. Pertsov (1896–1918): in 2 vols.]. Saint Petersburg: Pushkinsky Dom Publishing House, 2023. Vol. 1: “On New Tracks” (1896–1902). 783p.; Vol. II: “Under the Wheel of History” (1903–1918). 783 p. (In Russian)

Rozanova, T.V. *Vospominaniya ob otse – Vasiliu Vasileviche Rosanove i obo vsei sem'e* [Memories of Father – Vasily Vasilevich Rozanov and the Whole Family], in: *V.V. Rozanov: Pro et Contra. Anthology*. Kn. I. Saint Petersburg: RHGA, 1995, pp. 45–87. (In Russian)

Rozanov, V.V. *Listva* [Foliage]. Moscow: Respublika; Saint Petersburg: Rostok, 2010. 591 p. (In Russian)

- Rozanov, V.V. *Literaturnye izgnanniki. N.N. Strakhov. K.N. Leont'ev* [Literary Exiles. N.N. Strakhov. K.N. Leontyev]. Moscow: Respublika, 2001. 477 p. (In Russian)
- Rozanov, V.V. *Sredi hudozhnikov* [Among the Artists]. Moscow: Respublika, 1994. 494 p. (In Russian)
- Rozanov, V.V. *Uedinennoe* [Solitary Thoughts]. Moscow: Politizdat, 1990. 712 p. (In Russian)
- Rozanov, V.V. *Zagadki russkoi provokatsii. stat'i i ocherki 1910 g.* [Mysteries of Russian Provocation. Articles and Essays of 1910]. Moscow: Respublika, 2005. 494 p. (In Russian)